

Василий Буслаев (7)

Кабы жил-был Буславей девеносто лет —
Состарилса Буславей, сам преставилса.
Да при смертоцьке Буславьюшко наказывал,
Он своей-де жены да наговаривал:
«Уж ты ой еси, моя да молода жена!
Молода моя жена, да дорога семья!
Когда будет-то моё чадо на возрасте,
Быв ясён-то сокол будёт на возлете,
Ище станет-то Васильюшко конём владать,
Да конём-де владать, копьём шурмовать,
Пусть не дёржит Василей всё сто рублей,
Пусть не дёржит Василей целой тысецы —
Пусть-ко дёржит Василей у ся сто друзей,
Ищэ сто же друзей, да сто приятелей,
В Ерусáлим-град ходит Богу молитися,
Ко Христовой гробнице приложитися,
Да в Ердан-то реки пусть не купаетца,
Не купаетца в реки — пусть омываетце:
Да купалса-крестилсе там Исус Христос;
Да свезёт пусть положеньицо великого,
Да не мало ле, не много — сорок тысецей!»
Да покаялса Буславей — тут преставилсэ.
Когда стал-то нынь Васильюшко на возрасте,
Как ясен-то сокол стал на возлете,
Ищэ стал-то Васильюшко конём владать,
Да конём стал владать, копьём шурмовать,
Он пошел-то, Василей, вдоль по городу,
Он ходил-то по лавоцькам торговым —
Он купил себе везиноцьку тяжелую.
Он пошел во царевы большу кабаки —
Откупал-то ле боцьки сороковыя,
Сороковыя боцьки ' зеленым с вином,
Он выкатывал на площади щирокия,
Россылал-то указы нынцэ скорыя,
Собирал-то голей да всих кабацкиих,

Да зовёт-то Василей на почесен пир,
Кабы пити им вино ноньце безденежно.
Собиралосе голей да много-множество
Как со всех-то сторонок ныньце разных.
Росполубил он-то боцьки сороковыя,
Он спустил-то ковши тут позолочены —
Кабы пьют-то ле голи вси кабацкия,
Кабы пьют-то они все зелено вино,
Как пьют-то они, да потешаютца,
Кабы хвалят-то Василья всё Буславьева.
Приносил-то Василей свою везиноцьку,
Выбирал-то сибѣ да он в товарищи:
«Ищѣ хто ле из вас можот везинку знять?»
Их и стал-то везиноцькой помахивать,
Как по тим головам молодецкиим.
Как пошли-то голи, нынь заплакали,
Да платками-то ле головы повязали.
Говорят-то ле голи все кабацкия:
«Да у вора у Васьки у Буславьева
Да не упито ле было, не уедено,
Баско-хорошо ле было не ухожено,
Толькѣ навек безвечьица залезено!»
Как махнул-то удала добра молодца,
Как того ли Потанюшку нынь Хромого, —
Да стоит молодец да он не трехнетце,
Ищѣ платье на нём да не ворохнетце.
Да махнул-то ле Костю Новоторженина —
Как стоит молодец да не трехнетце.
Да махнул-то ле Васинькю всё Малого —
Да стоит молодец — не ворохнетце.
Выбирал-то ле он да три товарища.
Ходил-то Василей вдоль по городу,
Собирал-то Василей сибѣ плотничков.
Он-то строил, Василей, всё чернов караб:
Он-то в оци ныньце врезал два-то камешка,
Он-то ' брови-то ле врезал два-то соболя.
Он соорил-то, Василей-то, чернов карап —
Он спускал-то карап да тогда на воду.
Он грузил-то карап тогда напитками,

Он грузил-то карап тогда припасами.
Собирал-то Василей-то товарищов,
Как итти-то ему да во синё морё.
Он приходит-то ко матушке родимоей,
Он-то падал ей тогда да во резвы ноги,
Он просил благословленьица великого.
Да даёт ему матушка благословленьицо
Да с буйной-то главы да до сырой земли.
Да пошел-то Василей вон на улицу,
Он пошел-то ' черленой большой карабель:
Обирали нынцѣ сходенки дубовыя,
Подымали якоря новы булатныя,
Роспускали паруса белы полотнены,
Побежали-то они да в Ерусáлим-град.
Да бежали-то по батюшку синю морю,
Подбегали-то они да в Ерусалим-град.
Как пошли-то ко гробу ко Христовому,
Как Господу Богу помолилися,
Ко Христовоей гробнице приложилися,
Да пошли-то нынѣ тогда да на Ердань-реку.
Кабы вси-то в реки да омываютьца —
Да Василей-то Буславьевич купаитце.
Да пошли-то ёттуль, да поворот держат.
Да пришли-то они да на чернов карап,
Подымали якоря тогда булатныя,
Обирали-то ле сходенки дубовыя,
Роспускали паруса белы полотнены —
Побежали-то по батюшку синю морю.
Подбегали-то под горы Сарочинския —
Остоялса тогда да их черной карап.
Как вымецют-то щупы долгомерныя,
Кабы ищут-то ле кошоцьки подводной —
Не находят-то кошки тут подводной.
Да вперёд-то ле шли — нечо не видели,
Да згленули-то на гору Сарочинскую —
Увидали-то они тут злачен чуден крес,
Как здумалось им тут да помолитисе.
А бросали нонцѣ шлюпку они на воду,
Да спущалисе они да в ету шлюпоцькю,

Выезжали на гору Сарочинскую,
Приходили ко кресту они ко чудному,
Кабы чудному кресту да помолилися.
Да лежит-то голова тут чоловеческа,
Да лежит-то ле тут да сер-горюч камень.
Как берёт-то Василей свою тростоцькю,
Как колотит-то голову он чоловеческу:
«Уж ты ой есь, голова — чья, — чоловеческа?»
Да провещилась глава, кось чоловеческа,
Да руським-то языком чоловеческим:
«Уж ты ой еси, Василей сын Буславьевич!
Я бы был молодец да не тебе вёрста —
Я лежу-то на горах на Сарочинских.
Да лежати-то тебе мою по праву руку!»
Кабы плюитце Василей нынцэ, цюрайтцэ:
«Ты сибэ ты спала, да сибэ видела!»
Говорит-то ле кось, глава чоловеческа:
«Я сибэ-то спала, да тибэ видела!»
Погленули они на сер-то камешок —
На камню-то бы есь да всё подписано,
На камню-то ли есь тогда подрезано:
«Хто вперед-то ле скоцит, назад скоцит?»
Как скоцил-то Василей сын Буславьевич,
Как вперед-от скоцил, назад не отскочил:
Кабы пал-то Василей о серой камень,
Как тогда-то Василью смерть случилосе.

(Зап. Ончуковым Н. Е.: июнь 1902 г., с. Великая Виска Пустозерской вол. — от Шалькова Николая Петровича, 80 лет.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.